

В это время, в исследовательском институте вооружения, Тан Бай сидел на корточках в специализированном туалете для омег и с милой улыбкой смотрел на робота, которого он заманил фразой «Кто-то очень хочет посмотреть, как ты убираешься.»

А затем он внезапно и молниеносно приложил к задней части робота свою руку, обмотанную серебряной цепочкой.

Чистильщик: ?

Робот, который изначально парил в воздухе, сразу же завис и с грохотом упал наземь.

Взбурдано потирая свои маленькие ручки, Тан Бай достал орудия преступления из подошвы своей обуви на платформе и начал переиначивать программу Чистильщика с таким же мастерством и удовольствием, как если бы он наносил макияж на куклу Paluru.

Спустя три минуты Тан Бай дочиста отмыл свои руки, пригладил волосы и грациозно вышел из туалетной комнаты. Позади за ним летел ничего не понимающий измененный Чистильщик, который затем смешался с группой своих сотоварищей. Эта группа роботов будет отправлена в Федеральную Академию, и у них будет включена система защиты S-ранга, чтобы жаждущие профессора механического факультета не разобрали их на части!

Никто не заметил, что один из роботов уже потерял свою невинность!

Виновник — Тан Бай с небольшой сумкой направлялся к выходу из исследовательского института вооружения, и на полпути получил сообщение от учителя Чжао из Федеральной Военной Академии.

Основная суть была в том, что Цинь Цзюнь признает свою вину, хочет извиниться и надеется, что Тан Бай окажет снисхождение и простит его прошлые ошибки. Администрации академии надеялась, что обе стороны смогут прийти к компромиссу и скандал о том, что их ученик изнасиловал омегу, не будет портить имидж учебного заведения.

Так же учитель Чжао очень искренне и приводя доводы сообщил, что такое решение проблемы сохранит хорошую репутацию его семьи и что Тан Баю не следует держать зло на Цинь Цзюня за его слова, сказанные по глупости.

Общество очень строго относится к омегам, даже если это всё клевета и ложь, как только прозвище «шлюха» распространится — сколько бы ты не обелялся, ничто не заставит его исчезнуть.

Люди будут за спиной говорить, что нет дыма без огня, ведь как же так, Цинь Цзюнь не называет других омег шлюхами, только Тан Бая.

Тан Бай легко усмехнулся. Его янтарные улыбающиеся глаза были подобны жидкому меду. С послушным видом он начал писать:

— Учитель Чжао, в ваших словах есть резон.

Он склонил голову набок и мягко продолжил:

— Но~ Я не слушаю, я не слушаю, я не слушаю.

— Как частных извинений может быть достаточно? По меньшей мере, нужно извиниться перед

всей школой и процесс транслировать в прямом эфире на весь интернет.

— Разве обращения к одному человеку хватит? Разве Цинь Цзюню не нужно извиниться перед тем омегой, которому он навредил? Разве Цинь Цзюню не нужно извиниться перед товарищем Се Рухэном, которого он унижил? Разве Цинь Цзюню не нужно извиниться перед студентами-простолюдинами, которых он третировал и унижал?

Наконец, используя логику этого учителя, он ответил:

— Чем раньше он принесет извинения, тем будет лучше для нас всех. Не думаю, что ваше учебное заведение хочет иметь репутацию места, которое взрастило студента-насильника. Почему ни в каком другом учебном заведении нет студентов-насильников, а в вашем есть? Это наверняка вина школы? Неужели проблема с учителями? Ведь, как раньше говорили — рыба гниет с головы.

С каменным лицом он нажал на кнопку отправить и, увидев, как учитель Чжао долгое время молчал, а затем, наконец, отправил короткое «Хорошо», Тан Бай сладко засмеялся.

*

Издеваетесь? Извиняться перед этой шалавой было уже слишком, он еще и хочет, чтобы извинения были перед толпой простолюдинов?!

Их низменная кровь — это их первородный грех. Их кровь, грязная, как из канализации, их тошнотворная нищета — им уже давно стоит признать свою невыносимость и искупать свою вину самым тяжелым физическим трудом. В особенности таким червям из трущоб, как Се Рухэн.

Но Се Рухэн бесстыдно поступил в Федеральную Военную Академию, тщетно пытаясь скрыть свои грехи военной формой, и каким-то образом смог одурманить эту шлюху Тан Бая, надеясь, что сможет ездить на его голове.

Недоверие, стыд, негодование... От сплетения различных эмоций лицо Цинь Цзюня покраснелось, и он заорал от негодования:

— Я отказываюсь!

Однако присутствующие преподаватели Академии только бесстрастно смотрели на него. Возможно, студенты-простолюдины боялись статуса Цинь Цзюня, но гнева клана среднего класса было недостаточно, чтобы напугать этих учителей.

К тому же, Цинь Цзюнь не был наследником семьи Цинь.

Напротив, пламя ярости семьи Тан заставляет их беспокоиться, в особенности гнев Дедушки Тана. Не говоря уже о том, что первая половина профессоров из механического факультета были одноклассниками Дедушки Тана, а вторая — его учениками.

Если бы Цинь Цзюнь учился на факультете механики, семье Тан даже не пришлось бы ничего делать — профессора общими силами отправили бы его в тюрьму.

Учитель Чжао уставился на Цинь Цзюня холодным взглядом и четко произнес:

— Тогда садись в тюрьму.

Встретившись с ледяным и безразличным взглядом учителя Чжао, увидев гневные лица профессоров с механического факультета за его спиной и услышав слово «тюрьма», на Цинь Цзюня как будто вылили таз ледяной воды. Весь его гнев моментально погас, и он остался стоять, как мокрая курица.

Нет...

Цинь Цзюнь внезапно пришел в себя и его сердце охватил холод.

Нет, ему нельзя в тюрьму...

Он еще так молод, у него впереди блестящее будущее, он не может разрушить его из-за этих дешевых тварей!

Опущенная рука медленно сжалась в кулак, с такой силой, что ногти впились в плоть. При мысли о тюрьме, в глазах Цинь Цзюня промелькнули страх и боль.

— Учитель Чжао, посмотрите на себя, вы слишком вспыльчивый. Вы до этого не вразумляли учеников, откуда вам знать, что он не согласен? — Учитель Ван решил разрядить обстановку и похлопал Цинь Цзюня по плечу. — Студент Цинь Цзюнь, сегодня официальное начало военной подготовки, разве в это время не будут проводить прямой эфир парада учеников?

— По моему мнению, лучше решить все сразу и принести извинения побыстрее. — У него было доброе лицо, и он выглядел так, будто думал о благополучии Цинь Цзюня, но в действительности он отрезал ему путь к отступлению.

Пусть он и принял деньги семьи Цинь и обещал позаботиться о Цинь Цзюне, эта маленькая выгода не стоила того, чтобы вызвать недовольство семьи Тан.

Рука сжалась на его плече с такой силой, что выбрать было невозможно, и невидимая гнетущая атмосфера заставила Цинь Цзюня напрячься. Прежде он всегда подавлял других, и сейчас он впервые ощутил, каково это, когда чужая власть и статус заставляют подчиниться. Он не хотел мириться с этим позором.

Семья Тан, Тан Бай.

Несмотря на то, что семья Цинь не идет ни в какое сравнение с Семейей Тан, он считал Тан Бая всего лишь омегой-пустышкой, которая никак не сможет на него повлиять. Кто бы мог подумать, что этот омега такой несговорчивый.

Проклятье!

На лице Цинь Цзюня было написано унижение, и он долго молчал, но процедил, наконец, сквозь зубы, что согласен.

Учитель Ван вздохнул с облегчением, тыльной стороной руки вытер испарину со лба и, повернувшись к учителю Чжао, доброжелательно сказал:

— Давайте я поговорю с молодым господином Тан. Мне кажется, учитель Чжао только разозлил его своими словами, а это никуда не годится...

*

Се Рухэн держал швабру и, склонив голову, мыл пол в уборной. Сегодня начинается

официальная военная подготовка всех первокурсников, и традиционная вступительная церемония начнется в 9 утра.

Он зашел на сайт официального прямого эфира Федеральной Военной Академии, настроил дисплей прямой трансляции и стал наблюдать за обратным отсчетом, который скакал по всему черному экрану.

5:02

— До выхода осталось пять минут, студент Се, почему ты еще здесь? — Донесся до него голос, сопровождаемый звуком шагов.

Се Рухэн поднял голову и увидел, как учитель Ван торопливо зашел в туалет и наступил на только что вымытый пол.

Се Рухэн: ?..

Учитель Ван, который еще вчера поливал его грязью, теперь обращался к нему, с улыбкой теплой, как весенний ветер:

— Сяо Се, наконец-то я нашел тебя. Хватит мыть пол, ты почти пропустил начало, срочно иди на спортивную площадку.

Говоря это, учитель Ван попытался забрать швабру из рук Се Рухэна, но в результате... Швабра все еще была в руках у Се Рухэна, она даже не колыхнулась.

Учитель Ван не мог в это поверить, приложил больше усилий и что есть мочи потянул на себя швабру. Но он не подумал, что Се Рухэн этой шваброй мыл кафель и чуть не поскользнулся и не упал на пол.

— Ох, дитя, силы тебе не занимать. — Смущенно улыбнулся учитель Ван. — Почему ты все еще моешь пол? Церемония скоро начнется, нельзя пропускать такое важное событие.

— Учитель Ван, мое наказание еще не закончилось. Я не могу участвовать в церемонии. — Се Рухэн равнодушно добавил — Это то, что сказал мне сам учитель Ван.

— Учитель уже попросил школу отменить наказание. — Учитель Ван произнес с горечью.

— Это учитель не смог разобраться в произошедшем и был обманут Цинь Цзюнем. Я несправедливо обвинил тебя и обидел хорошего ученика.

— Сегодня студент Тан Бай дал учителю посмотреть запись с видеокамер, и Цинь Цзюнь действительно оклеветал невинного омегу, а ты только попытался защитить его честь.

— Учитель Ван попытался похлопать этого праведного ученика по плечу, но, столкнувшись взглядом с черными, как смоль, глазами феникса, его рука невольно опустилась.

В этот раз никто за швабру не боролся, и учитель Ван неловко держал ее в руке и продолжал говорить:

— В качестве компенсации школа предоставила тебе честь вести за собой фалангу факультета мех.

Лидерами фаланги, которые во время вступительной церемонии идут впереди отряда, обычно являются два наилучших альфы в группе.

В каждом альфе заложена натура лидера и они очень неохотно подчиняются кому-то. Если бы отряд вел слабый человек, то вся аура фаланги была бы, как блюдо из сыпучего песка, и ни о каком-либо величии не стоило бы и говорить. Только лучшие альфы способны стоять впереди фаланги, поскольку только под их давлением отряд будет трепетать от страха.

Се Рухэн был один из лидеров, избранным всем отрядом, поэтому честь, о которой говорил учитель Ван была, по сути, просто возвращением вещи к своему законному владельцу.

Се Рухэн взглянул на время — осталось всего лишь две минуты до начала церемонии. Он подошел к раковине, взял жидкое мыло и начал кропотливо мыть руки.

— Не мой руки! Тебе нужно срочно идти, иначе ты не успеешь...

Вытащив руки из сушилки, и надев черные перчатки, Се Рухэн проигнорировал говорящего без умолку учителя Вана. Он прошел мимо мужчины, толчком распахнул окно, быстро забрался на подоконник и прыгнул с окна третьего этажа!

Летний ветерок растрепал его волосы, и золотистый солнечный свет превосходно очертил контуры его изящного тела.

Швабра выскользнула из пальцев мужчины, и учитель Ван в ужасе бросился вперед, глядя вниз. Он увидел, как стройная фигура, подобно грациозному гепарду опустилась на траву и, ничуть не пострадав от ударной силы, спокойно встала, под нервными взглядами толпы широкими шагами отправляясь прямо к фаланге факультета мех.

В этот момент, бесчисленное количество зрителей, ожидающее начало прямого эфира Военной Академии увидели, как таймер дошел до нуля.

Вступительная церемония началась.

Извиняюсь за задержку, но теперь, когда сессия закончилась, главы должны выходить почаще (' ▽ `)

И поздравляю всех с Китайским Новым годом!

<http://bllate.org/book/15734/1408451>